

К тому времени, когда свет начал проникать в кабинет, уверенно движимый по полу к задней стене, где висел портрет королевской семьи, Локи уже давно сменил книгу Бестлы на несколько других. Его поиски стали гораздо более целенаправленными после того, как он наткнулся на первую настоящую информацию о Ларце Древней Зимы. Теперь он лихорадочно искал любые книги или манускрипты с дополнительной информацией, а внутри него нарастал ужас. Он всегда слышал, как гроб называли сердцем Ётунхеймра, но до сих пор считал, что это описание основано на его могуществе и центральной роли в политике ледяных великанов, будучи одновременно оружием и средством передвижения. Но Локи не догадывался, что гроб был жизненно важен для самого Ётунхеймра, для выживания королевства. Первое упоминание о нем, найденное Локи, было настолько туманным, что он не сразу его понял, но другие источники были более ясны. Жаль, что все записи о создании Ларца Древней Зимы были утеряны или уничтожены. Способность так полно использовать силу и магию одной планеты — это фантастический подвиг, и то, что она была утеряна, — это трагедия эпического масштаба. Вместе с ней исчезла и возможность повторить этот подвиг на других планетах, что не позволило бы им получить столь тонкий контроль над почти каждым аспектом магии своей планеты, предоставив это естественным и зачастую хаотичным силам самой планеты. Этот автор, похоже, не осознавал присущей ему уязвимости, связанной с использованием магии королевства. Локи осознал эту уязвимость и боялся её задолго до того, как столкнулся с ней в другом тексте. Ларец Древней Зимы, хотя и являлся невероятным достижением магического масштаба, также представлял собой огромную слабость для Ётунхеймра. Хотя он позволял королю ледяных великанов контролировать почти все аспекты самого Внешнего двора, он также приводил к нарушению естественных процессов, которые обычно регулируют магическое ядро Ётунхеймра. Без него Внешний двор может оказаться в большой опасности, если ларец будет утерян или украден. Существуют опасения, что это может даже привести к медленному развалу Ётунхеймра, что поставит под угрозу весь Иггдрасиль, и от этого должны защищаться все Девять. Эти слова преследовали Локи даже спустя несколько часов после того, как он их прочитал. Конечно, сами по себе они ничего не доказывали, но улики были налицо. Непродолжительное восстановление Ётунхеймра даже спустя тысячелетие после войны, отчаянное желание ледяных великанов вернуть Ларец Древней Зимы, несмотря на то что это могло снова вогнать их в войну, которую они проиграли в прошлый раз, когда были лучше вооружены и подготовлены; разлад, который он время от времени улавливал в песне Иггдрасиля; огромное количество силы и магии, которые он ощущал, прикоснувшись к Ларцу; значение Ларца в культуре ледяных великанов... Даже то, как осторожно Бестла говорила о нём, было достаточно уклончиво, чтобы не быть очевидным уклонистом, но и не провозглашать его исключительную важность для всех. Ирония судьбы заключалась в том, что, поступая так, она, возможно, способствовала возникновению того, чего пыталась избежать с самого начала! Локи знал об Одине достаточно, чтобы понять, что его приемный отец не осознавал этого, когда забирал шкатулку из Ётунхеймра. Мало того что Один, похоже, искренне желал мира, пусть и на своих условиях, так ещё и уничтожить таким образом Ётунхеймр было совершенно не почетно, а честь была слишком важна как для Асгарда, так и для Одена, чтобы Боррсон мог поступить так сознательно. Вопрос заключался лишь в том, узнал ли об этом Один и, если да, то почему не предпринял никаких действий. Локи сразу же придумал несколько ответов на этот вопрос, но не был уверен, что сможет поверить хоть одному из них. Да, было бы неловко развернуться и вернуть гроб Лауфейскому королю. Да, признание того, что он не понимал, насколько это жизненно важно для выживания ледяных великанов и их королевства, было бы не менее неприятным. Но, конечно, необходимость это сделать перевешивала любое смущение. Учитывая, как часто Один читал ему и Тору лекции об ответственности короля Асгарда за защиту и охрану Девяти царств, он, конечно, не допустил бы этого по своей воле? Неужели? Локи рассмеялся, морщась от того, как неуверенно это прозвучало даже для него самого. Даже после событий минувшего дня он продолжал сомневаться, способен ли Один на определенные поступки. Казалось, что он либо не может научиться, либо сознательно предпочитает этого не

делать — воспитание и старые желания не позволяют ему увидеть правду. И всё же... И всё же между тем, что Один сделал с ним, и этим была огромная разница. Он украл у Одена ребёнка, причем потенциально нежеланного. Да, это могло повлиять на будущее двух королевств, и в этом, несомненно, заключалось намерение его отца, когда тот его забирал; но не более того. Однако это... это могло повлиять не только на Ётунхеймр, но и подорвать весь Иггдрасиль, а значит, поставить под угрозу все девять королевств. Без Иггдрасиля они все погибнут. Конечно, на такой риск Один не пойдёт? Хель даже сожалела о разрушении Свартальфахеймра в ретроспективе, из-за его влияния на Мировое Древо. Локи до сих пор содрогается от того, что он ощутил в Иггдрасиле, когда путешествовал туда. Достаточно было пройти рядом с веткой, ведущей в разрушенное царство, чтобы нарушить гармонию песни Иггдрасиля. На самом деле он всегда полагал, что дисгармония, которую он иногда ощущал в песне, исходила от Свартальфахеймра. Но что, если причина в том, что один из Девяти умер в его ветвях? Да, тёмные эльфы погибли, или так они все считали, но сам Свартальфахеймр не пострадал напрямую, разве что там, где шла война. Не считая разрушений, причиненных Борром и Малекитом, Свартальфахеймр всё ещё жил по-своему. Может быть, не так, как остальные Девять сразу поймут, но Локи знал, что это само по себе важно. Все царства не были одинаковыми, и Иггдрасиль не выжил бы, если бы они были одинаковыми. Нет, каждое из них вносило что-то уникальное и важное в Мировое Древо, поддерживающее равновесие во всем Иггдрасиле. С некоторыми нарушениями можно было смириться, как и в любой здоровой системе, но слишком сильное нарушение равновесия могло привести к гибели всего сущего. Сама мысль об этом вызывала у Локи тошноту, и он чувствовал, как Асгард отталкивается от неё. Так почему же Один не забрал гроб со старыми зимами обратно в Ётунхеймр? Да, это грозило второй войной, но, конечно, на такой риск стоило пойти, учитывая альтернативные варианты. Так было легче сосредоточиться на том, что следует обсудить с Высшим советом, но ему требовалась как можно больше информации о шкатулке. Можно ли как-то ограничить ее использование? Может быть, помешать Лауфею использовать её для путешествий в другие миры? Или сделать так, чтобы она применялась только для поддержания магии Ётунхеймра? Конечно, Лауфей и ледяные великаны уже достаточно отчаялись, чтобы согласиться на такое. Может, в этом и заключался план Одина, размышлял Локи. Подождать, пока его враг не сможет больше сопротивляться такому ограничению силы гробы, а затем вернуть её в знак доброй воли Асгарда? Хоть бы в другие королевства? Если так, то было бы мудрее не позволять антиледяным великанам разгораться так сильно. При более сочувственном отношении такой шаг был бы гораздо более приемлемым для людей, которые восприняли бы его как милосердие к бывшему врагу. Теперь же это вызовет подозрение и неодобрение, и, конечно, всё обрушится на его голову. Локи зарычал при этой мысли. Как типично: вот он снова убирает беспорядок, устроенный кем-то из его семьи, а в ответ получает лишь отвращение и презрение. Правда, обычно ему приходилось убирать не за Одним, но всё равно картина оставалась прежней. Иногда он удивлялся, зачем вообще затевать всё это. Как он ни старался, Локи так и не смог найти книгу, в которой содержалась бы хоть какая-то реальная информация о Ларце Древней Зимы. О ней упоминалось во многих книгах, но не было ни одной, которая бы не содержала упоминания о ней; настолько она была связана с культурой и политикой ледяных великанов. Но для многих это было всё, что они содержали. Некоторые из них шли дальше, но даже они, казалось, не имели ничего ценного: большинство из них сетовали на недостаток знаний о гробе, или в лучшем случае повторяли слухи и истории, которые автор слышал о нём, или делали предположения, основанные на кратких встречах с ним или на результатах его использования. Например, о том, какой вред он нанёс Мидгардру после того, как Лауфей использовал его там, чтобы превратить королевство в более подходящий дом для ледяных великанов. Локи зарычал от досады.